

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Историко-архивный институт
Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

*К 85-летию Историко-архивного института
К 75-летию кафедры вспомогательных
исторических дисциплин*

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы
XXVII Международной научной конференции

Москва, 9–11 апреля 2015 г.

Москва 2015

ББК 63.2и43
УДК 930(08)

Организационный комитет:

Е. И. Пивовар (председатель), С. М. Каштанов, (председатель),
А. Б. Безбородов, В. Ю. Афиани,
В. И. Дурновцев, В. П. Козлов,
Е. В. Пчелов, Д. Н. Рамазанова,
А. Е. Чекунова, Ю. Э. Шустова,
Н. М. Брусиловский (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

Н. М. Брусиловский, И. М. Гарскова, В. И. Дурновцев,
С. В. Зверев, Д. Г. Полонский, Е. В. Пчелов, Д. Н. Рамазанова,
Ю. Э. Шустова (ответственный редактор)

Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития : Материалы XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9 – 11 апр. 2015 г. / редкол. : Ю. Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин. – М. : РГГУ, 2015. – 519 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются страницы истории Историко-архивного института и кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Обсуждаются актуальные проблемы вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения, историографии, археографии, использования информационных технологий в исторических исследованиях.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

УДК 930(08)
ББК 63.2и43

ISBN 978-5-7281-1741-4

© Редакционная коллегия,
составление, 2015
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

стократическим родам в Византии, родовой геральдике. В 12 % публикаций рассматриваются вопросы методологии генеалогического поиска, историографии и источниковедения армянской генеалогии.

В географическом разрезе тематика публикаций распределяется следующим образом: 19 % – издания, посвящённые генеалогии выходцев из Карабаха (в первую очередь армянские меликские династии Арцаха); 17 % – армянским фамилиям из Грузии (многочисленные княжеские и дворянские семьи); 13 % – армянским семьям Москвы, Санкт-Петербурга и центральных областей России (в том числе Лазаревы и их родственное окружение); 6 % – выходцам из Западной Армении и Ирана; по 4 % – семьям из Ереванской губернии, Шемахи, фамилиям черкесо-гаев; 3 % – сюникским фамилиям; по 2 % – издания, посвящённые генеалогии астраханских, ново-нахичеванских, акулских (зоки), амшенских родов.

А.Г. Авдеев (Москва)

Эпиграфика и древнерусское градостроительство: подписные валунные надгробия XVI в. из Кашина

Одной из малоисследованных проблем в старорусской эпиграфике является привлечение надписей как источника по топографии города. Речь пойдёт о роли эпиграфических памятников при изучении формирования городской застройки Кашина (совр. Тверская обл.) в XV–XVI вв. – в период, наименее освещённый иными историческими источниками.

О развитии городской территории Кашина известно мало. Археологически город исследован слабо, а число письменных источников невелико. Отправными точками являются наиболее ранние упоминания храмов и монастырей Кашина в письменных источниках. Данные известия не сообщают о храмовом строительстве и позволяют сделать вывод о существовании церквей и монастырей в более раннее время, на протяжении XIV – нач. XVII вв.

Начнём с соборных храмов Кашина, являвшихся центральными пунктами городской застройки. Соборный Воскресенский храм упоминается в летописях под 1382 г. В камне он был выстроен на средства сына Ивана III Юрия Ивановича, получившего в 1504 г. в удел Кашин и Дмитров.

Второй соборный храм Кашина – Успенский в Остроге. Согласно устным преданиям, сохранённым в Житии Анны Кашинской, в 60-е гг. XIV в. на его месте находился Успенский монастырь. В сентябре 1412 г. близ него родился прп. Ефрем Перекомский, что маркирует существование обители в это время. В Смутное время Успенский монастырь не существовал, а на его месте находилась соборная Успенская церковь.

Следующим узловым элементом городской застройки являются монастыри. Первое упоминание Клобукова Николаевского монастыря связано с постригом в нём прп. Макария Калязинского (род. 1401 г.). Записка о подвижнике, составленная в 1524 г., даёт для этого надёжный хронологический репер, сообщая, что его жена умерла во время эпидемии, датируемой в летописях 1423/24 г. Этот год косвенно можно считать годом первого упоминания данной обители.

В число древнейших обителей Кашина входит Сретенский женский монастырь, впервые упоминаемый под 1426 г.

Дмитровский монастырь впервые упоминается под 1596/97 г., но у П.М. Строева список его игуменов открывается с 20-х гг. XVI в. Введенский женский монастырь упоминается под 1510 г. Позднее он, прекратил существование: под 1628 г. здесь назван приходский Введенский храм в Подмонастырской слободке. В 1506 г. в северной части посада находился Акиманский женский монастырь, прекративший существование до Смутного времени. Данная местность была названа Якиманским берегом: скорее всего, она стала осваиваться одновременно с основанием обители.

Сведения о приходских храмах на посаде Кашина очень скудны. К числу древнейших храмов следует отнести церковь Рождества Христова на посаде. Раскопки, проведённые на месте предполагаемого некрополя этой церкви, показали, что она могла существовать в середине XV в.

Что же касается приходских храмов в монастырских слободах Кашина, то с полной уверенностью можно говорить о существовании Входиерусалимского храма в Иерусалимской слободке Сретенского монастыря около 1426 г. Под 1513 г. впервые упоминается Лягушкина слобода и ближайшие к ней храмы св. Феодора Стратилата и свв. Фрола и Лавра.

Важнейшим дополнением к данным, сохранившимся в летописях, житиях и актовом материале, являются надгробия, хотя эпиграфика Кашина XVI–XVII вв. сравнительно мало изучена.

Первое надгробие на валуне с эпитафией священноиерея Ионы, самое раннее из надгробий Кашина, датируется 1537 г. Оно было обнаружено мною в июне 2012 г. во дворе дома № 19^а по ул. Калинина. По месту находки оно связано с некрополем церкви св. архидиакона Стефана. Данное надгробие является *единственным* на настоящий момент источником по топографии Кашина второй половины 30-х гг. XVI в. и показывает, что храм и некрополь бесспорно существовали во второй половине 30-х гг. XVI в.

Второй объект – это участок посада на Степановской горе, где стоял указанный храм. Надгробие является надёжным хронологическим репером о наличии здесь посадской застройки во второй половине 30-х гг. XVI в. Характерно, что гора получила название по храму и, значит, эта часть посада осваивалась одновременно со строительством церкви.

Первое упоминание Знаменской церкви также известно благодаря эпиграфическому памятнику – эпитафии 1594 г. на валунном надгробии, найденном у кашинского храма свв. Иоакима и Анны. Оно хронологически маркирует заселённость близлежащей к ней территории в конце XVI в.

Есть основания предполагать, что надгробие находится *in situ*. Об этом свидетельствует не только его расположение по линии восток–запад, но и привязка к участку приходского некрополя у южной стены храма, где обычно совершались погребения мирян. В этом случае объяснимо и уточнение в надписи названия престола храма, в котором служил муж покойной Фетины.

Впрочем, храм на данном месте находился почти на сто лет раньше даты публикуемого надгробия: к апрелю 1506 г. относится упоминание Акиманского женского монастыря. Последний впоследствии запустел, а его храм, видимо, к концу XVI в., был приходским.

Кроме того, эпитафия на надгробии содержит первое упоминание Знаменской церкви (и, следовательно, даёт надёжный хронологический репер существования данных объектов в конце XVI в.

Карта показывает, что в последней трети XIV – конце XVI в. территория Кашина развивалась от Острога в четырёх направлениях. Три из них оче-

видно синхронны друг другу. Это – *северное*, маркируемое церковью Рождества Христова на посаде (середина XV в.) и Акиманским монастырём (1506 г.); *восточное*, опорными точками которого являются Никольский Клобуков (1423/24 г.) и Введенский (1510 г.) монастыри, и *южное* – Иерусалимская слобода (1401 г.). Юго-западное направление, представленное надгробием 1537 г., иными категориями источников пока не отражено и, возможно, развивалось менее интенсивно.

Л.И. Акимова (Москва)

Курица и петух в календарном цикле: мифоритуальный аспект

В русском народном календаре фигурирует множество зооморфных персонажей (волк, медведь, змея, кот и др.), роль которых в общей системе календарных мифов и ритуалов пока не ясна. Среди них обращают на себя внимание две домашние птицы – курица и петух. Закономерно для архаичного мышления, что они не воспринимаются как «родственники»: циклы жизни у обоих разные и принадлежат разным космическим сферам.

Основные к у р и н ы е праздники привязаны к «солнечным» датам: День Жён мироносиц – к весеннему равноденствию (3-е воскресенье после Пасхи), Летние Кузьминки (1/14.07) – к летнему солнцестоянию, день Сергия курятника/капустника (25.09/8.10) – к осеннему равноденствию, Осенние Кузьминки (1/14.10) – к концу года (впрочем, как и день Сергия, когда кое-где в России ходили ряженья, как на Рождество). В целом же «куриный» цикл открывается весной, когда бабы ходят выпрашивать по *наре яиц* (до 25) у соседок для высиживания, чтобы «к осени зародились цыплятки», и заканчивается осенью, когда режут кур как представительниц Богини старого года и одновременно «куют начало» в виде кузнечной цепи (=новое Мировое древо) или свадьбы, после которой символически рождаются новые дети-«цыплята» – их Кузьма-Демьян начинают «обучать» и «наставлять на ум».

Тема «конца/начала», тесно связанная с осенними Кузьмой-Демьяном (ср. «Ешь кутью, поминай Кузьму», «Что криво и слепо, то Кузьме и Демьяну» и «Скуй нам свадебку...»), как и *парность* этих святых (в народе: «Батюшка» или «Матушка Кузьма-Демьян»), отражающая андрогинизм божества-воплощения года в момент его перехода от старого к новому циклу, воплощается в курице – «высшем, святом существе», Матери, которую окказионально – но чаще также осенью – приносят в жертву в загадочном ритуале Троецыплетницы (на Вятке) для отвращения от дома бед (Зеленин Д.К. Троецыплетница (Этнографическое исследование) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994. С. 105–150). Он справляется в полном молчании и тьме ритуально *мёртвыми* женщинами – старухами-вдовами и «одномужними» бабами, но при участии *повитухи*: убивается курица-мать, выведшая три семьи цыплят, для восстановления ее собственной (божественной) жизни, от которой зависит благополучие семьи.

Более новый аспект представляет обряд *рождения*: хозяйка с детьми на Рождественский сочельник в красном углу или под ритуальным столом квохчет с детьми, имитируя выведение цыплят (гуц.), в тесной ассоциации с *дедухом* – последним снопом старого урожая. Характерна связь курицы с *растительными символами*, говорящими о ней как ипостаси Мировой птицы, принадлежащей Мировому древу, что отражено и в обрядовом столе: на